

Ж И З Н Ь О Д Н Г О К О Т А

Клод Хабиб

Мы, кошки

Роман-автобиография

Москва 2016

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44
Х12

Claude Habib
NOUS, LES CHATS

Copyright © Editions De Fallois – Paris 2015

Хабиб, Клод.

Х12 Мы, кошки / Клод Хабиб ; [пер. с фр. З. Линник]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 208 с. — (Жизнь одного кота).

ISBN 978-5-699-84709-9

О чем размышляет уважающий себя кот в свои последние мгновения? О жизни и смерти, о любви и ненависти, о доверии и предательстве, о чести и низости... И конечно, об этих странных, неуклюжих, но бесконечно коварных созданиях. О людях.

Он был рожден свободным – они называли его диким. Он презирал их – они пытались ему покровительствовать. Он никогда не доверял им – но оказался в их власти.

Но разве способен какой-то нелепый человек превзойти венец творения – кошку, у которой, как повторяют с завистью эти двуногие, девять жизней?!

**УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44**

© Линник Злата, перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Изда-
тельство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84709-9

СОДЕРЖАНИЕ

Как я потерял сестру.	11
Как я потерял мать.	23
Демографическое давление	31
Все о Хлое	41
Как я потерял брата.	59
Мое место под солнцем	65
Большая глава о любви.	79
У набережной	89
Ошибка всей моей жизни	97
Преображенная.	109
Расставить все точки над «і»	127
Как я снова нашел своего брата.	131
Место человека во вселенной	145
Место кота во вселенной.	153
Последнее лето	161
Мой последний час.	185
Последняя минута	197

*В память
Саблезубого тигра*

Какой-то я грубоватый, это у меня с рождения. Родился я зимой, в глубине норы. Моя матушка нашла эту нору, притащила нас туда. Нас у нее было трое. Матушка была самым лучшим существом на свете. Она и сейчас самая лучшая, правда, уже не та. Она ужасно уменьшилась.

Скоро я умру и теперь подвожу итог своей жизни. Меня ждет самая ужасная, самая унижительная и совершенно незаслуженная смерть. Увы, это так.

Не могу сказать, когда она возьмет меня. Яд уже растекся по моей спине, я чувствую его крепкую и холодную хватку. Он уже перетекает в правый бок. Под шерстью кожа буквально горит, запах вызывает тошноту.

Он одновременно резкий и гнилостный. Сначала ощущаешь его резкость, это как удар,

будто падаешь на жесткий каштан, ноздри уже до предела заполнены. А под ним чувствуется гниение.

Я не могу его обонять, я не в силах даже умыться. Все, что мне остается, — ждать.

Лишь бы это продолжалось не слишком долго. Хочу отмучиться поскорее.

Чем больше я размышляю о своей судьбе, тем больше ненавижу людей. Как ни ужасно это говорить, но они взяли надо мной верх. В данном случае — самка. Я, венец творения, побежден этим ходячим несовершенством, этой разновидностью обезьяны.

Я отошел подальше, свернулся клубочком и закрыл глаза. Она встала надо мной — визгливая, разряженная, как все они, вооруженная, чтобы вызывать страх. Не являясь самодостаточной породой, люди полагаются только на предметы.

Их голоса слышались в ночи:

— Порядок, он здесь, у тебя.

— Правда здесь?

— Да, пошли. Не беспокойся, свою порцию он получил.

И это правда: в моем боку то, что не исчезнет само по себе. Никакое отступление больше не смогло бы спасти меня. Мной двигал разве что стыд, что они увидят, как я умираю. В два прыжка я добрался до дровяного сарая и занял свое старое излюбленное место на куче дров. Мне нравится этот угол. Столько времени провел я там, расплющившись под железной крышей; это уже сродни вечности. Как будто я всегда был здесь, выслеживая на слух крыс, живущих под кучей дров — поймать их невозможно, разве что весной, самых молодых, в первый раз когда они выбираются отсюда. А сегодня гнусный запах не дает мне учуять их. Этот позорный запах и есть я.

Больше не будет ни крыс, ни ночных обходов, ни бешеной гонки. Я знаю, что они здесь, но уже для других. Мир продолжит свое существование без меня, все и дальше пойдет своим чередом. О, какое зловоние! Как же мне хочется, чтобы пошел дождь... Мне, который всегда ненавидел его.

Вещи перестают быть сами собой. Дерево — больше не дерево, мох — ни то, что он есть, ни то, чем он будет: нечто влажно-мяг-

кое, едко-землистое. И мускатный аромат крыс больше не поднимается к моим ноздрям, растворяясь между наваленными дровами и ветками деревьев.

Смерть у меня на спине: она пропитывает меня, проникает внутрь. И поверьте, это даже отдаленно не похоже на легкий аромат.

Как я потерял сестру

Вначале нас было трое, но мы этого не знали. Двое, больше или меньше, лапа и хвост, вместе составляют четыре, больше было бы безумием, два или три, много или мало, один в другом... Сперва мы были спутанным клубком крохотных котят. Но постепенно это прекратилось. Вопрос существования, убирайся от моего соска... Понемногу нас стало трое: моя сестра-чернушка, мой брат и я. Нора теперь была тесной, мама постоянно терлась о ее стенки боками, когда возвращалась с охоты. Счастье было черным, так как тогда уже наступала темнота. Ни дождя, ни света, ни холода, только мама. Мир был таким же мягким и пушистым, как ее бока.

Мы, кошки, любим маму больше, чем все прочие звери. Это потому, что мы, несомненно, превосходим других. Но и не только. Причина в том, что мы появляемся

на свет очень маленькими. Мама для нас огромна, просто как гора. Мы совершаем восхождение на нее, блуждаем по ней, потерявшись и утопая в ее шерсти. Один из нас устремляется вверх, и мы следуем за ним, чтобы тут же свалиться, устроив кучу-малу. Радостью был подъем и такой же радостью было падение.

Вначале жизнь представляется тебе корзинкой, полной сюрпризов. Игры и радость до предела заполняют все существо котенка. Подвижные от природы, они склонны к безрассудному риску. Взрослые кошки уже не такие. С возрастом веселость покидает нас. Она противоречит чувству собственного достоинства, свойственному нашей породе. На каждом шагу, с каждым дыханием мы ощущаем, что являемся венцом творения на земле, и наше превосходство идет рука об руку с нашим чувством собственного достоинства. Мы прилагаем большие усилия, чтобы не афишировать свои преимущества, число которых поистине бесконечно.

Итак, мы счастливы, но не злоупотребляем этим. Никакая кошка в здравом уме не станет обкусывать лепестки у цветка или бежать за

перышком. Вот почему я чувствую некоторую неловкость, мысленно возвращаясь к своим первым дням в норе, а затем к первым шагам наружи.

Наше детство протекало в каком-то оцепенении, а наша молодость была чем-то сродни слабоумию. Мы упустили птицу ради веточки, мышь ради цветка и цветок ради тени. Самым странным было то, что мы совершенно не переживали от этого. Подвижный, деятельный непоседа — вот каков маленький котенок. Таким был и я. Для чего нужно испытывать это первоначальное безумие? Это опьянение каждой минутой... И для чего нужно, чтобы все это прошло? Как объяснить такое разительное отличие у одного и того же существа в разном возрасте? Этого никто не знает. Позже, размышляя, я пришел к выводу, что малышам эту радость жизни придает божественная сущность, а выражается она настолько буйно для того, чтобы никто не посмел и подумать, будто кошка не знакома с мельчайшими проявлениями радости.

В безумии моя сестра-чернушка превосходила нас всех. Она была первой, кто покинул нору в отсутствие нашей матушки. Она